

© 1991 г., СЭ, № 4

ГДЕ ТЕЧЕТ РЕКА ЧЕРЕЦ?

В 1990 г. в Сибирском отделении издательства «Наука» (Новосибирск) вышел в свет сборник научных трудов «Мировоззрения финно-угорских народов» (ответственный редактор кандидат исторических наук И. Н. Гемуев).

Для меня, живущего на Вятке и занимающегося проблемами местной этнографии, наибольший интерес, конечно же, представила статья В. Е. Владыкина «Из истории религиозного синкретизма у удмуртов». Зная ижевского исследователя по другим его трудам, был немало удивлен целым рядом встретившихся в тексте неточностей, которые вряд ли делают честь научному изданию столь высокого уровня. Чем это объяснить? Невнимательностью автора при вычитке корректуры и подготовке своего труда к печати или малой компетентностью корректоров?

Как бы там ни было, но никогда не текла «на севере, в вятских лесах» река по имени Череч (с. 37), на берегах которой поселились бежавшие из более южных мест после разгрома Волжской Булгарии бесермяне. Есть крупнейший левобережный приток Вятки Чепца с городом Кирово-Чепецком (отнюдь не Черечком!) в устье.

Не верится, чтобы в цитируемом на с. 38 документе из центр. гос. архива древних актов «удмурты, жившие у татар», обозначались своими же соплеменниками словом «остяки». Остяки, как известно, устаревшее название нынешних селькупов (их еще называли остяко-самоедами), издревле живущих на территории теперешних Томской и Тюменской областей и Красноярского края. Вот «отяки» (вотяки), «отяцкая» (вотяцкая) вера — другое дело. И у самого В. Е. Владыкина встречаем цитату (из царской грамоты Ивана IV), где сказано, что «царь и великий князь... пожаловал... отяков Ожмека Черного, да Зубаря Одина... и всех их семнадцать семей» (с. 39).

И совсем уж смешно читать, как «некрещеный вотяк Яшка... проповедовал, что все вотяки непременно должны молиться по-вятски, а не по-русски...» (с. 42). Вот те раз! С таким же успехом «вотяк Яшка» мог призывать молиться по-тульски или по-смоленски. Ясно, что в тексте должно быть «по-вотски». Так оно черным по белому и напечатано в указанном автором статьи источнике — исследовании П. Н. Луппова «Христианство у вотяков со времени первых исторических известий...».

Выясняется попутно, что цитируемый источник донельзя искажен, что ставит под сомнение добросовестность использования и прочих цитат. Судите сами. Вот текст В. Е. Владыкина: В 1852 г. по новокрещенским селениям Казанской и Вятской губерний разъезжал «некрещеный вотяк Яшка, который проповедовал, что все вотяки непременно должны молиться по-вятски, а не по-русски, иначе на головы предавших свою веру обрушатся всяческие напасти». А это — текст П. Н. Луппова, к которому отсылает ученый из Ижевска: «В 1852 году по новокрещенским селениям Казанских и Вятских вотяков разъезжал некрещеный вотяк Яшка и, ссылаясь на свое божественное посланничество, проповедовал, что все вотяки непременно должны молиться по-вотски, а не по-русски, т. е. по обрядам вотской религии... Если же так, т. е. по-вотски, молиться не будете, — прибавлял он, — то сего года после Христова дни будет дождь горячий и с камением и мор на людей и на скот також и темность, и будут разные звери (медведи и зме(и) летучие), кои и людей есть будут, и от того исчезнете все». Комментарии, как говорится, излишни.

Непонятно также, почему В. Е. Владыкин взял в кавычки обозначение Мултанского дела 1892—1896 гг. (с. 43), что расходится с общепринятым написанием, и почему, говоря о секте «Кугу-сорта», сослался лишь на книги В. М. Васильева и С. А. Токарева, тогда как есть куда более серьезное исследование — С. К. Кузнецова, напечатанное в 79-й книге журнала «Этнографическое обозрение» за 1909 г. («Черемисская секта Кугу Сорта. Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев»)?

Предубежденность В. Е. Владыкина ярко проглядывает и в характеристике Н. И. Ильмин-

ского: «по убеждениям — реакционер», который «разработал единую систему христианизации и русификации народов Поволжья», (с. 43). К счастью, есть другие, куда более объективные оценки деятельности этого подвижника, и то, в чем В. Е. Владыкин видит реакционность («Основное средство для достижения этих целей (христианизации и русификации — С. В.) он видел в обращении к родному языку»), оборачивается совсем иным.

В подготовленном А. Н. Кононовым автором, переработанном издании «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». (М.: Наука, 1989) на с. 103 находим: «Общепризнанной и прогрессивной заслугой И[льминского] и его последователей считается широкое применение рус[ского] алфавита для письменности народов, не имевших своей азбуки и пользовавшихся арабским алфавитом. Это начинание И[льминского] послужило толчком к развитию духовной жизни многих народов и народностей нашей Родины.

И[льминский] был полезен семье Ульяновых в хлопотах о разрешении Владимиру Ильичу сдавать экстерн-экзамены за юрид[ический] Ф[акультет] СПб. ун[иверсите] та...».

Вот тебе и «реакционер, друг Победоносцева»!

И последнее. Не было А. И. Вечтомова, автора книги «История вятчан с 1181 по 1781 год» (примечание 24 на с. 48). Был А. И. Вештомов, как он и обозначен на титульном листе своего труда, напечатанного в 1908 г. в рамках 1—2 выпусков XXIV тома «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете». А называется книга «главного народного училища учителя Исторических наук» так: «История Вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране Наместничества, или с 1181 по 1781-й год...»

В. К. Семибратов,
выпускник кафедры этнографии МГУ
1986 года